

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	10
<i>Глава 1. Картежник, баснописец, классик</i>	36
1. Карьера Крылова-отца. — Тверь второй половины 1770-х годов	37
2. Покровители юноши Крылова. — Ролевые модели. — Шнор и Брейткопф	43
3. Переезд в Петербург. — Новые покровители. — Первый опус	51
4. Театр и знакомство с Дмитревским. — Соймонов. — Конфликт с Княжниным. — Фиаско	54
5. Рахманинов и его типография. — Карты. — Первые опыты журнального дела.	62
6. Товарищество на паях. — Коммерческие неудачи. — Крылов покидает Петербург	65
7. Игрок. — Клиент князя Голицына. — Правитель канцелярии. — От карт к литературе	77
8. Возвращение в столицу. — Типография Императорского театра	92
9. Оленин — новый патрон. — Как улучшить карьеру, не служа. — «Басни Ивана Крылова». — Императорская Публичная библиотека	97
10. Обретение респектабельности. — Домашняя экономия	102
11. Превращение в баснописца. — Личный бренд. — От «кабинетских» изданий к коммерческим	107
12. Беспечен как Лафонтен. — Уваров и начало огосударствления. — Баснописец его величества	126
13. Материальная сторона «огосударственности». — «Патриотическое» издание 1834 года — Защитник «Библиотеки для чтения»	136
14. Отставка с пенсией «не в пример другим»	146
15. Пенсионная идиллия. — Последнее издание	148
16. Дом у Тучкова моста. — «Умно и расчетливо»	155

<i>Глава 2. Grossvater. Крыловский юбилей и его контексты</i>	164
1. Предыстория: праздники в честь Багратиона, Голицына, Брюллова, Глинки. — Специфика праздничной культуры Петербурга	167
2. Jubiläum — пятидесятилетие служебной деятельности. — Чествование доктора Лодера. — Юбилей профессора Загорского и доктора Рюля	174
3. Литературные обеды. — Рождение «сословия литераторов»	182
4. Обед у Воейкова. — Идея отпраздновать день рождения Крылова	191
5. Ближайший контекст юбилея: политический и литературный. — Перехват инициативы.	195
6. Идея Греча. — Бенкендорф против Уварова. — Второй перехват инициативы. — Новый организационный комитет	201
7. Праздник 2 февраля 1838 года: гости, речи и лавровые венки	213
8. Музыка и поэзия на юбилее. — Рождение «дедушки Крылова»	224
9. Молчание юбиляра. — Скандальные обертоны праздника. — Нервозность Уварова. — Недовольство друзей vs. ликование Вяземского.	231
10. Освещение в прессе. — Демарш Греча. — Травля	238
11. Крылов — superstar. — Медаль	250
12. Крыловская стипендия	258
13. Дальнейшее развитие юбилейной культуры. — «Антиюбилей» Греча	264
 <i>Глава 3. Прагматика фарса</i>	 271
1. Что такое фарсовое поведение? — Типология и циклизация фарсов. — Периодизация. — Специфика исследовательских задач	275
2. «Клиентские» фарсы: «Одичал», «Жилет», «Конторка».	280
3. Фарс как способ самозащиты. — Оленинский проект. — Русский Лафонтен и русский Эзоп	286
4. «Литературные» фарсы. — «Подтерся одой». — «Телемак» и ночной горшок. — Чтение «Демьяновой ухи»	297
5. Семиотизация бытового поведения. — Униформа баснописца. — Демонстративное обжорство	306

6. Крылов при дворе Марии Федоровны. —
Прагматика «придворных» фарсов. — «Сел на шляпу»,
«Пуговицы в бумажках», «Чихнул», «Рваный сапог». —
Крылов и Александр I 312
7. Цикл *tours de force*. — Изучение древнегреческого
языка и уклонение от перевода «Одиссеи». — Фенюшка
и классики. — «И французы знают, что я лентяй» 324
8. Бродячие сюжеты в составе крыловианы. —
Завершение «литературного» цикла. — «Завистник». —
Крылов на придворном маскараде 4 января 1830 год. 342
9. Фарс-мистификация и тексты-двойники. — Аполог о цензуре 351
10. «Придворные» фарсы последних лет: «Соседи»,
«Не отдам чашку» 362
11. Последние «клиентские» фарсы. — Распря из-за конюшни. —
«Линейка» 367
12. Казус «Волка на псарне» 371
13. Цикл фарсов о собственной известности. — Крылов как
городская достопримечательность. — Рассказы о почитании
баснописца купцами 380
14. Угасание фарсовой активности. — Пирожки с ярью. —
«Человек желудочный». — Гениальный сын гениальной матери . 393
15. Крылов как автор рассказа о собственной смерти. —
Рассылка книг. — *Ad Melprotenen* 405

Глава 4. Как Петербург хоронил баснописца Крылова . . . 415

1. Подготовка похорон: Ростовцев — Николай I — Уваров. —
Газеты о смерти Крылова. — Неофициальное прощание 417
2. Чиновная публика в церкви. — «Густые толпы народу». —
«Бенефис» Уварова. — Консультации Ростовцева
с Булгариным. — Пожар 434
3. Коммеморативная программа академика Языкова 453
4. Смерть и похороны Крылова в иноязычных изданиях
Петербурга. — Отзвуки в европейской прессе. — *Puff* в *Journal
des Débats*. — Ирония Греча. — Метафизика Огюста Лепя 455
5. Распространение мемориальных экземпляров. —
Стихотворные эпитафии 473
6. Поминование на Валааме. — Воображаемое надгробие:
студенческие проекты. — Типовой памятник и оленинский
мемориальный код 478
7. Формирование традиции писательских похорон 494

<i>Глава 5. Чей дедушка?</i>	498
1. Мемориальное ралли. — Плетневская «формула Крылова»	498
2. Объявление о памятнике Крылову как манифест официальной народности. — Тень Шишкова. — Новый виток конфликта Вяземского с Булгариным и Гречем	504
3. Очерк Булгарина как вызов Вяземскому. — Конец статьи о Крылове. — Эпиграммы, Шевырев и Белинский. — Славянофилы	514
4. Белинский и «русская курица». — Резюме Булгарина	526
5. Библиография как оружие: Полторацкий против Плетнева. — Публикации о Крылове в «Северной пчеле» 1845–1857 годов.	531
6. Лобанов — защитник репутации Крылова. — «Конь» и 14 декабря. — Без «дедушки» и народности	537
7. Неизданные статьи Бессонова. — Крылов в сенсимонистской трактовке. — Некрасов	544
8. «Дедушка Крылов. Книга для подарка детям	562
9. Post scriptum: Вяземский. — Post post scriptum: Тургенев.	570
<i>Глава 6. Крыловский монумент</i>	582
Часть I. Предыстория	
1. Почему Крылов? — Зарождение коммеморативного проекта.	584
2. Памятники александровского времени: Минину и Пожарскому; Демидову; Ломоносову. — Памятники николаевского времени: Державину; Карамзину.	587
3. Уваров и монументальная коммеморация. — Почему Петербург? — Конструирование «высочайшей инициативы». — Крыловский комитет	604
4. Столица вместо провинции. — Академия наук вместо дворянства	611
5. Европейский «монументальный бум» 1830–1840-х годов. — Памятник Вальтеру Скотту как вдохновляющий образец	614
6. Комитет и Академия художеств. — «Пусть явится вылитый Крылов»	618
7. Подписка на памятник Мольеру во Франции. — Русский modus operandi. — Вклад Военного министерства, Министерства внутренних дел, Министерства народного просвещения. — «Неучастники»: Синод, Публичная библиотека, Дирекция императорских театров. — Литераторы саботируют проект Уварова	623

8. Уваров теряет влияние. — Итоги подписки 652
9. Выбор места: первый раунд. — Падение Уварова 655

Часть II. Воплощение

1. Первые проекты: Пименов, Терехнев. — Советы Брюллова. — Традиция книжной графики 661
2. Интермедия: дедушка и внуки 672
3. Итоги конкурса: почему Клодт? — Сотрудничество с Агиным. — Памятники Фридриху Великому и Уатту. — Решение главной фигуры. — Цитирование Гальберга 675
4. Рисунки Агина и малая модель памятника. — Идеологическая программа медальонов 688
5. Выбор места: второй раунд. — Семиотика Летнего сада. — «Неоткрытие» памятника. — Завершение проекта 699
6. Первые отклики. — Забытый Уваров. — Стихотворение Бенедиктова и книжка «для простонародия» 708
7. Памятник и дети. — Шевченко. — Дюма. — Городской фольклор. — Капитан Лебядкин и Достоевский 714
Post scriptum: Крылов и «Тысячелетие России» 725
Вместо заключения 728
Список используемых сокращений 730
Список иллюстраций 732
Указатель имен 738

ВВЕДЕНИЕ

Хозяин наконец попросил его пожаловать к ужину. «Поросенок под хреном для вас приготовлен, Иван Андреевич», — заметил он хлопотливо и как бы исполняя неизбежный долг. Крылов посмотрел на него не то приветливо, не то насмешливо... «Так-таки непременно поросенок?» — казалось, внутренне промолвил он — грузно встал и, грузно шаркая ногами, пошел занять свое место за столом.

И. С. Тургенев. Литературные воспоминания

Начальным импульсом к этой работе стал дискомфорт, своего рода «интеллектуальный сквозняк». По аналогии с обычным сквозняком: окна закрыты, в комнате вроде бы тепло, но откуда-то все-таки дует — он ощущается в самой бесспорности и понятности Крылова. Почему, собственно говоря, для русской культуры эта фигура столь бесспорна? И почему на это не повлияли многочисленные политические катаклизмы XX века? Почему холостяк и одиночка Крылов — «дедушка» с 1838 года и по сей день, и перемен тут не предвидится? Как он, патентованный ироник и скептик, относился к переименованию в «дедушку» и вообще к присвоенному ему при жизни статусу национального достояния?

Словом, стоило перед этой понятностью остановиться в задумчивости, как она пошла трещинами, и из них роем вылетели самые разные вопросы.

Особенно рельефно они выглядят на фоне методологических прорывов в гуманитарных науках, в том числе в истории литературы, свидетелями которых мы стали в последние три десятка лет. За это короткое, по историческим меркам,

время вышло множество замечательных работ, обновились подходы к классикам и неклассикам, к литературному канону и пантеону, к становлению литературных репутаций, к поэтике, статусу и судьбе отдельных текстов, к взаимодействию истории, идеологии, политики и собственно литературы. Но весь этот методологический инструментарий к Крылову почти не применялся, хотя он и несомненный классик, и поэт с отнюдь не тривиальной литературной биографией, и еще многое, многое другое. Скажем больше: Крылов как будто стал невидимкой. Даже погружаясь в сюжеты, теснейшим образом с ним связанные — профессионализацию литературы, становление и динамику канона, литературные полемики, — ученые словно смотрят сквозь него. Это не сознательное игнорирование; исследовательская мысль, преследуя свои задачи, просто огибают Крылова как громоздкую мебель, случайно оказавшуюся на пути. Поневоле вспоминается хрестоматийное «Слона-то я и не приметил».

Объяснение этой обескураживающей странности как будто бы лежит на поверхности.

Для русской интеллектуальной традиции и, в частности, литературоведения, в основных чертах сложившихся во второй половине XIX — начале XX века, и признаком жизни вообще, и маркером художественного качества является изменение, развитие и в особенности — конфликт. Методологически такая позиция находится в бергсоновском поле: для автора «Творящей эволюции» характерна идея вечного развития как сверхценности и единственного значимого содержания культурного процесса.

«Мятущийся», насыщенный, по Шкловскому, «энергией заблуждения» писатель априори интересен исследователю: во-первых, он заметным образом реагирует на происходящие вокруг него процессы, а во-вторых, является их активным участником или даже сам их формирует. В такой иерархии Лесков, скажем, котируется ниже и виден куда хуже¹, чем

¹ На это недвусмысленно указывает цитата из Игоря Северянина, ставшая названием новейшей биографии — *Кучерская М. Лесков: Прозёванный гений*. М., 2021.

Лев Толстой, чью биографию современный исследователь характерным образом начинает с такого постулата: «Эта мучительная борьба [за свободу быть собой] будет пронизывать всю его жизнь вплоть до самых последних мгновений»¹.

Между тем «настоящего» Крылова, то есть Крылова-баснописца, во всем — и во внешнем облике (пожилой человек «осанистой наружности»), и как автора (прежде всего баснописец) — отличает стабильность, едва ли не статуарность. Достигнув в басне как моножанре того, что большинству современников, да и последующим поколениям представлялось совершенством, он практически исчерпал ее потенциал. В литературной борьбе и полемиках он перестал принимать сколько-нибудь заметное участие лет за двадцать до смерти. При этом слава Крылова возростала одновременно с падением его творческой активности. Десять лет — с 1830 по 1840 год — корпус его басен переиздавался без особых изменений; после 1841-го новые басни перестали появляться даже в альманахах, и лишь последнее авторское издание 1843 года напомнило публике о том, что «русский Лафонтен» еще жив.

Когда писатель молчит и мало проявляет себя публично, исследователю почти нечем поживиться. И, видимо, именно поэтому Крылов становится невидим для оптики, настроенной прежде всего на поиск конфликтов, явных признаков эволюции или «созвучности» той или иной эпохе. Если он и попадает в поле зрения, то воспринимается или как инертный фон, или как белый шум, который в силу бессодержательности не подлежит анализу.

И тем не менее, и мы надеемся это показать, Крылов до самой смерти и первое время после оставался очень значимой фигурой литературного и еще более — общественного поля. Феномен Крылова, парадоксальный для традиционного литературоведения, имел сложную, далеко не только литературную природу и с каждым годом все менее зависел от физического бытия баснописца. Недаром его похороны не стали частным событием, а превратились в апофеоз той

¹ Зорин А. Жизнь Льва Толстого: опыт прочтения. М., 2020. С. 11.

концепции национальной культуры, которая ассоциируется с именами министра Уварова и императора Николая I.

Казалось бы, обретенный при жизни статус классика гарантировал Крылову внимание ученых, но на деле вместо изучения его наследия произошло лишь закрепление официального нарратива. Первое полное собрание сочинений было подготовлено П. А. Плетневым уже через полтора года после смерти поэта, к середине 1846-го, и вышло в 1847 году¹. С точки зрения текстологии, это не было научное издание, но открывавший его очерк Плетнева «Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова» оказал огромное влияние на все дальнейшие исследования, в особенности биографические.

Плетнев был не только критиком и признанным историком литературы, но и ректором Санкт-Петербургского университета, то есть государственным чиновником высокого ранга. Как подчиненный С. С. Уварова он был вполне лоялен тому курсу, который проводил министр, а во время работы над очерком принимал деятельное участие в задуманном Уваровым небывалом коммеморативном проекте — сооружении памятника Крылову, первого монумента в честь *поэта* в столице. Собственно, аналогом этого монумента и призвана была стать его работа.

Плетнев построил свой очерк вокруг народности баснописца, понимаемой именно в уваровском вкусе: как всеобщность, общепонятность и едва ли не мистическая слиянность с самим духом русского языка, что и служит залогом бессмертия. Эта стройная концепция, практически не поддающаяся проблематизации, образует основу для биографии, представляющей Крылова в свете не столько фактов, сколько анекдотов. Как известно, поэт, в чьей жизни было немало темных и даже сомнительных в моральном отношении страниц, не любил распространяться о себе и оставил своим биографам больше недоумений, чем уверенности, — отсюда и традиционная «анекдотичность» его жизнеописаний.

¹ Полное собрание сочинений И. Крылова, с биографией его, написано П. А. Плетневым: В 3 т. СПб., 1847 (цензурное разрешение всем трем томам — 31 мая 1846 года).

Обширная прижизненная крыловиана в изобилии представляла Плетневу материал, и он откровенно признавался своему приятелю Я. К. Гроту:

о Крылове всякий бы, кто хоть несколько знал его, написал интересный рассказ. Это было лицо в высшей степени по всему, как говорится, рельефное. Жуковский, Баратынский и подобные им люди слишком выглажены, слишком обточены, слишком налакированы. Их жизнь и отношения совпадают в общую форму с жизнью и отношениями всех. Притом же Крылов жил и умер без роду и племени. Нечего церемониться, какой бы смешной случай ни пришлось рассказать. Попробуй это сделать с Карамзиным, например. Претензий не оберешься¹.

Вступительная статья, написанная Плетневым для однотомника басен, вышедшего в том же 1847 году, гораздо короче, но строится на тех же концептах: Крылов — гениальный русский самоучка, природным талантом «победивший все затруднения»; человек, который после бурной молодости вел самую тихую и скромную жизнь, не помышляя о славе, но ценимый всеми современниками и, что было «самой утешительной наградой», «высокими особами императорского дома»; неопрятный, ленивый, однако не жалевший сил, чтобы тщательно отделять свои тексты; писатель, который «мыслил и действовал самобытно» и в итоге стал тем, чьими наставлениями «поучаются люди всех сословий, всех возрастов <...> ученики и наставники, люди на первых местах в государстве и не выходящие из семейного круга»².

То, что плетневские тексты надолго стали библией крылововедения, имело вполне прозаическую причину. Без

¹ ПГП. Т. 3. С. 400 (письмо от 16 марта 1849 года; список используемых сокращений см. на с. 730–731). Между тем недовольные были: незаконнорожденная дочь Крылова А. П. Савельева, с семьей которой он прожил последние годы, почти четверть века спустя в разговоре с Л. Н. Трефоловым опровергала плетневскую версию смерти баснописца, утверждая, что причиной тому «были вовсе не роковые рябчики, а вообще старость» (КВС. С. 286).

² Плетнев П. А. Жизнь Ивана Андреевича Крылова // Басни И. А. Крылова: В IX книгах. СПб., 1847. С. XII, XVIII, XIX, XXII, II.

малого тридцать лет права на издание Крылова принадлежали Юлию Юнгмейстеру и Эдуарду Веймару — тем самым, которые в 1847 году выпустили первое полное собрание его сочинений и первое посмертное собрание басен со вступительными статьями Плетнева. За эти годы оба биографических очерка, многократно переизданные¹, едва ли не срослись с крыловскими текстами, сами став каноническими. Их влияние на несколько поколений читателей и исследователей можно сравнить с процессом импринтинга, то есть *запечатления* некоторых представлений, принимаемых как данность и в дальнейшем не подлежащих критическому осмыслению.

Официозность культа Крылова ясно ощущалась современниками. Естественной реакцией на него стало появление гротескно-пародийных «баснописцев» Козьмы Пруtkова² и капитана Лебядкина.

¹ Во второй раз полное собрание сочинений Крылова было выпущено в 1859 году. Для него Плетнев дополнил свой очерк рассказом о сооружении памятника в Летнем саду. Что касается однотомника басен, то это было одно самых ходовых изданий Юнгмейстера — Веймара. В последний раз он вышел под их маркой в 1873 году (13-е издание). Очевидно, после этого права были перепроданы. В 1875–1879 годах полное собрание басен издавалось А. М. Котоминим под редакцией В. Ф. Кеневича, а затем вплоть до 1894 года, когда закончился срок действия авторского права, П. А. Егоровым. Чаще всего в этих изданиях воспроизводилась вступительная статья Плетнева.

² Насколько нам известно, специальных работ о связях басен Козьмы Пруtkова с крыловскими не существует. Замечательно, однако, что появлению самой этой литературной фигуры предшествовали три басни — «Незабудки и запятки», «Кондуктор и Тарангул», «Цапля и беговые дрожки», — появившиеся в ноябрьской книжке «Современника» за 1851 год. Написавший их Александр Жемчужников (вторую и третью — в соавторстве с братом Алексеем) позднее в биографии Пруtkова подчеркивал, что, склонившись «заняться сочинением басен», он «тотчас же возревновал славе И. А. Крылова, тем более что И. А. Крылов тоже состоял в государственной службе и тоже был кавалером ордена св. Станислава 1-й степени» (*Козьма Пруtkов*. Полн. собр. соч. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б. Я. Бухштаба. М.; Л., 1965. С. 335). Аллюзии на плетневские жизнеописания Крылова тут не случайны: они вышучивают риторику, уже навязшую в зубах. Ср. также позднейшее замечание Алексея Жемчужникова: «Хотя каждый из нас имел свой особый политический характер, но всех нас соединила плотно одна общая нам черта: полное отсутствие „казенности“ в нас самих и, вследствие этого, большая чуткость ко всему

Обновления взгляда можно было бы ожидать от полного собрания сочинений Крылова, над которым работал В. Ф. Кеневич — первый настоящий исследователь его жизни и текстов. В той же степени, в какой Плетнев был «человеком Уварова», Кеневича можно назвать «человеком Ростовцева». С 1852 года он преподавал в военно-учебных заведениях, подведомственных Я. И. Ростовцеву, и как педагог был проводником тех образовательных идей, которые, по мнению современников, сделали генерал-майора Ростовцева своего рода альтернативным министром народного просвещения, действовавшим одновременно с Уваровым. Ростовцев был не только другом и душеприказчиком Крылова, но и безусловным почитателем его текстов и личности. При нем изучение басен Крылова стало одним из столпов образования и воспитания кадет¹. Без сомнения, именно он познакомил молодого историка литературы со своим подчиненным К. С. Савельевым, зятем и наследником Крылова, владельцем его архива.

Кеневич начал работу с рукописями баснописца, видимо, в 1850-х годах, и уже в 1868-м, когда праздновалось столетие, выпустил примечания ко всему корпусу басен — первый в истории русской литературы монографический комментарий, снабженный и текстологическими справками². Он же

казенному» (цит. по: Там же. С. 393). Укажем в этой связи на двустипшие «С чела все рвут священный лавр венца, / С груди — звезду святого Станислава» (из мистерии «Сродство мировых сил»), обыгрывающее реалии крыловского юбилея — лавровый венок и орден.

¹ О личном влиянии Ростовцева на преподавание литературы учащимся его ведомства см.: *Вдовин А. В.* От «Полной русской хрестоматии» к первой программе по литературе: становление стандартов литературного образования в России и педагогические проекты А. Д. Галахова 1840–1850-х годов // *Институты литературы в Российской империи: Коллект. монография / Сост. и отв. ред. А. В. Вдовин, К. Ю. Зубков. М., 2023. С. 317–348.*

² *Кеневич В. Ф.* Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. СПб., 1868. Уже через год издание разошлось, и «Примечания...» были перепечатаны в составе «крыловского» «Сборника статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук» (Т. 6. СПб., 1869. С. 1–290, 2-й пагинации). В 1878 году они вышли вторым изданием, под одной обложкой с важными документами официального и личного происхождения — «Материалами к биографии Крылова», впервые также напечатанными Кеневичем в академическом сборнике 1869 года.

в 1871 году напечатал «шутотрагедию» «Подщипа» («Трумф»), до того широко известную в списках¹.

Проживи Кеневич дольше, ему, скорее всего, удалось бы выпустить в свет то собрание сочинений Крылова, над которым он работал в 1870-е годы². Если судить по «Библиографическим и историческим примечаниям к басням...», оно должно было основываться на научных принципах и ставило бы в отношении биографии поэта и его текстов те вопросы, от которых Плетнев был очень далек. Однако смерть прервала эту работу³, и даже «Примечания...» Кеневича после 1878 года не переиздавались, хотя все последующие исследователи опирались на них как на классический труд.

Таким образом, во второй половине XIX века плетневский нарратив господствовал, новых текстов после издания «Трумфа» долго не выявлялось, и стало казаться, что о Крылове не только все уже известно, но и все сказано.

Одновременно происходило активнейшее внедрение его басен в педагогическую практику. Министерство народного просвещения тысячами закупало эти книги для своих нужд, школьные хрестоматии доносили крыловские тексты буквально до каждого ребенка, посещающего хоть какое-то учебное заведение. Именно с тех пор берет начало представление о «дедушке Крылове» как о преимущественно детском писателе и некоем специальном детском моралисте, знакомство с текстами которого является необходимым элементом

¹ РС. 1871. Вып. 2. С. 161–200.

² См. письмо академика Я.К. Грота к Савельеву от 16 сентября 1875 года с упоминанием о «предпринятом ныне, под редакцию В.Ф. Кеневича, издании полного собрания сочинений Крылова», которое «обратило на себя сочувственное внимание императорской Академии наук», и просьбой предоставить в распоряжение Академии «драгоценную коллекцию рукописей знаменитого баснописца» (ОР РНБ. Ф. 227. № 78. Л. 1–1 об.). Савельев отозвался на это предложение и в 1876 году безвозмездно передал Академии крыловские бумаги через посредство Кеневича, который, сделав «точнейшую опись всех листов», доставил их хранителю отдела рукописей Библиотеки Академии наук А.А. Кунику (ОР РНБ. Ф. 1000. № 1093. Л. 1; письмо Кеневича к Савельеву от конца ноября — начала декабря 1876 года). В настоящее время эти бумаги Крылова находятся в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом), фонд 142.

³ В 1879 году. Архив Кеневича, по всей видимости, не сохранился.

воспитательного процесса. Такая дидактическая инструментализация, разумеется, тоже не способствовала поддержанию серьезного научного интереса к Крылову.

Следующее собрание сочинений, подготовленное В. В. Каллашем, вышло в 1904–1905 годах. Раскритиковав плетневский трехтомник как далеко не полный, подготовленный непрофессионально и давно устаревший, ученый заявил, что его издание «впервые даст возможность русскому обществу познакомиться с настоящим Крыловым»¹. В самом деле, оно претендовало и на полноту (четыре тома, охватывающие все выявленное к тому времени наследие, включая письма), и на первые подступы к установлению авторитетных источников текстов, и на пересмотр привычной репрезентации поэта. Каллаш интерпретировал «настоящего Крылова» в индивидуалистическом ключе, видя в его биографии драму могучего таланта, не имевшего возможности реализоваться в полной мере. В соответствии с духом нового, предреволюционного времени из нее исчезли реверансы в сторону императорской фамилии; Каллаш обошелся без идиллического любования народностью и даже демонстративно отказался от неизбежного мема «дедушка Крылов». В его очерке первая половина жизни баснописца — цепь лишений и разочарований, во второй он прячет за баснями «безысходный скептицизм и эгоизм», а его «громадная интеллектуальная сила» опускается, «не найдя себе поддержки и возбуждения в окружающей среде»².

Собрание сочинений под редакцией Каллаша с его проблематизированным взглядом на Крылова выдержало два

¹ Каллаш Вл. Предисловие // Полное собрание сочинений И. А. Крылова [В 4 т.] / Ред., вступ. статьи и примечания В. В. Каллаша. Т. 1. СПб., [1904]. С. XIII. Материалы, обнаруженные по завершении работы над собранием, включены в две примыкающие к нему брошюры: Каллаш В. В. Из неизданных сочинений И. А. Крылова. I–II. СПб., 1904; III. СПб., 1905. О методах работы ученого и его взглядах на фигуру Крылова см.: Говенько Т. О роли А. Н. Веселовского в подготовке В. В. Каллашем «Полного собрания сочинений И. А. Крылова» (1904–1905) // Русская словесность. 2019. № 4. С. 27–31.

² Биографический очерк // Полное собрание сочинений И. А. Крылова / Ред., вступ. статьи и примечания В. В. Каллаша. Т. 1. С. LXIII.

переиздания — в 1914–1915 и в 1918 годах, однако переломить инерцию плетневского нарратива не удалось. Он благополучно пережил даже революционные потрясения: просто в советские времена в биографии и творчестве баснописца стали усиленно педалировать демократическое происхождение, социальная сатира и антикрепостнические убеждения.

Секрет нерушимости такого дискурса, как ни странно, заключается в его неоднородности. Работая в 1845–1846 годах над вступительной статьей к собранию сочинений, Плетнев, чуткий к современным веяниям, внес в благостную «уваровскую» картину бытия великого русского баснописца неожиданное резкое осуждение его бездеятельности, доходящей до морального квиетизма:

В своем праздном благоразумии, в своей безжизненной мудрости он похоронил, может быть, нескольких Крыловых, для которых в России много еще праздных мест. Странное явление: с одной стороны, гений, по следам которого уже идти почти некуда, с другой — недвижный ум, шагу не переступающий за свой порог¹.

Впечатление, произведенное этим обличением на литературную молодежь конца 1840-х годов, было столь велико, что, как мы полагаем, стало триггером для замысла романа «Обломов»². Между тем, занимаясь в 1856 году, уже в совершенно новой общественной атмосфере, подготовкой второго издания своего трехтомника, Плетнев, сохранив все прежнее, столь же неожиданно добавил к очерку новый фрагмент — теперь героизирующий баснописца как «мирного воина общего добра и просвещения»³.

Напластования смыслов, казалось бы, прямо противоречащих друг другу, придали канонической биографии Крылова

¹ Плетнев П. А. Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова // Полное собрание сочинений И. Крылова, с биографией его, написанною П. А. Плетневым. Т. 1. СПб., 1847. С. II–III.

² Об этом см. в главе 5.

³ Плетнев П. А. Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова // Полное собрание сочинений И. Крылова, с биографией его, написанною П. А. Плетневым [В 3 т.]. Т. I. СПб., 1859. С. СХІХ.

незапланированную поливалентность. Выстроенный Плетневым нарратив оказался в целом приемлемым для всех и в любых ситуациях, независимо от того, какой на дворе порядок — монархический или советский. Он допускал любые трактовки — от умиления до возмущения. Локомотивом, увлекающим эту дребезжащую старинную конструкцию в будущее, оказалась идея крыловской *народности* — впервые сформулированная Булгариным, подхваченная Уваровым, возведенная на пьедестал Плетневым, дополнительно освященная авторитетом Гоголя и Белинского.

Необходимо отметить, однако, что предпринятая Каллашем попытка проблематизации принесла свои плоды. Его соображения явно отзываются в том, что и как писал в середине 1920-х годов Л. С. Выготский. Хотя этого ученого, в свете создававшейся им эстетической теории, больше интересовала басня, ее природа, психологические и педагогические проекции, он тем не менее поставил ряд важных вопросов относительно парадокса, который представляет собой каноническая репутация Крылова:

Не кажется ли удивительным тот факт, что Крылов, как это засвидетельствовано не однажды, питал искреннее отвращение к самой природе басни, что его жизнь представляла собой все то, что можно выдумать противоположного житейской мудрости и добродетели среднего человека. Это был исключительный во всех отношениях человек — и в своих страстях, и в своей лени, и в своем скепсисе, и не странно ли, что он сделался всеобщим дедушкой, по выражению Айхенвальда, безраздельно завладел детской комнатой и так удивительно пришелся всем по вкусу и по плечу, как воплощенная практическая мудрость¹.

Сами же басни он интерпретировал как преодоление того отвращения, которое Крылов испытывал к басне прозаической, во вкусе Лессинга, с «тесным горизонтом», и реализацию

¹ *Выготский Л. С.* Психология искусства. М., 1986. С. 173. Формулу Ю. И. Айхенвальда Выготский приводит с легкой неточностью; должно быть: «Крылов всем — дедушка» (*Айхенвальд Ю.* Силуэты русских писателей. Вып. I. М., 1914. С. 8).

его врожденной страсти к драматургии. Этот внутренний трагизм, «второй план, который присутствует в каждой его басне, углубляет, заостряет и придает истинное поэтическое действие его рассказу», Выготский изящно и пронизательно назвал «тонким ядом»¹, имея в виду скептическую двусмысленность любого текста и высказывания Крылова, ощутимую, но крайне плохо поддающуюся описанию.

«Психология искусства» была издана только в 1965 году, через тридцать лет после смерти автора, и осталась неизвестной его современникам, В противном случае к ней мог бы апеллировать другой ученый, который в середине 1930-х годов предпринял энергичную попытку шагнуть за пределы обветшавшего нарратива². Речь идет о Г. А. Гуковском, тогда возглавлявшем в Пушкинском Доме группу по изучению литературы XVIII века. В 1935 году в серии «Библиотека поэта», пытавшейся сочетать высокие научные стандарты с доступностью широкой аудитории, вышел двухтомник Крылова, к которому 33-летний ученый написал поистине новаторскую статью³. Он первым указал на то, что «официализированный» Крылов играл роль своего рода идеологической «скрепы» николаевского царствования:

...именно Крылов был использован для демонстрации правительственных тенденций, демократических навыворот. Он был истолкован как выразитель народного духа, простой, мол, русский человек, конечно, мол, с лукавцей, с юмором, — но в сущности

¹ Там же. С. 174. Выражение «тонкий яд» почерпнуто из басни самого Крылова «Сочинитель и Разбойник», где оно характеризует прославленного автора, проповедовавшего разрушительные для общества идеи.

² Поразительно — но и показательно в связи с «невидимостью» Крылова, — что значимого интереса к нему не выказал никто из ученых ОПОЯЗа, хотя и его тексты, и перипетии его жизни и карьеры представляют собой богатейший материал, который буквально взывает к интерпретации в координатах «литературной эволюции», «литературного факта», «литературного быта», «приема» и т. д.

³ *Гуковский Гр.* Иван Андреевич Крылов // Крылов И. А. Полное собрание стихотворений. Т. 1. Басни / Ред. и коммент. Б. И. Коплана, статьи Г. Гуковского, Б. Коплана и В. Гофмана. Л., 1935 («Библиотека поэта». Большая серия). С. 5–76. Дата под текстом — 1934. В ранней монографии Гуковского «Русская поэзия XVIII века» (Л., 1927) Крылов не упомянут.

и добродушный, и сметливый, и меткий на острое слово, и, главное, накрепко верноподданный. <...>

Николай I все более втягивал его славу в орбиту своего влияния. Стилизация российского мужичка-полубуржуа «дедушки Крылова» стала казенным штампом. Ряд анекдотов, рисующих Крылова как кондового националиста в духе уваровской формулы устоев российского государства, приобрел характер официальной биографии Крылова. Нечего и говорить, что эта легендарная биография совершенно не соответствовала действительной жизни Крылова.

Николай I объявил Крылова покорнейшим и благонамереннейшим писателем так же, как он объявил Чаадаева сумасшедшим¹.

Теперь Крылов оказывается фигурой, в высшей степени актуальной для нового советского дискурса. Ожидаемую альтернативу набору старинных идеологем Гуковский находит в эпизодах скрытой и явной (классовой) борьбы самого поэта и вокруг него. Крылов 1937 года разительно отличается от Крылова 1847-го. В юности он, нищий разночинец, обреченный на унижительное продвижение по социальной лестнице, противопоставляет себя литераторам-дворянам, хотя и многому у них учится. В зрелые годы рисует в баснях убийственные картины русской жизни, «страшные обвинительные акты» — «действительно простонародным, хотя не избегающим и „высоких“ элементов» языком, который звучал «грубоватым и отчетливо плебейским диссонансом». И всегда безошибочно чувствует социальную и мировоззренческую пропасть между собой и даже расположенным к нему «пушкинским кругом», не говоря уже о врагах и недоброжелателях, к числу которых ученый относил и Карамзина, и Шишкова, и Вяземского².

На естественно возникающий вопрос о том, в какие формы саморепрезентации все это выливалось, Гуковский отвечает тезисом о закрытости Крылова, сознательной уклончивости его поведения и любых высказываний

¹ Гуковский Гр. Иван Андреевич Крылов. С. 69–70.

² Там же. С. 66, 67.

во второй — и главный, ибо связанный с баснями — период жизни. Любопытно, что эти идеи восходят к мемориальному очерку антагониста Плетнева — Булгарина¹. Подхвачены они были Каллашем, писавшим:

На него сыплются чины, ордена, пенсии, пожалования, академические лавры — он все принимает с ленивой и тонкой усмешкой, ловко устраивает свои отношения и отшучивается, никого не допуская в свой внутренний мир².

Гуковский, в сущности, лишь риторически трансформирует формулы своих предшественников, окружая их терминами «классовая позиция», «подлинный радикализм», «мелкобуржуазный бунтарь, не нашедший своей среды» и т. д. А в конце статьи практически повторяет Каллаша:

Теперь, во второй половине своей жизни, он исповедует философию маленьких людей, боящихся нового и предпочитающих держаться того, что уже есть <...> правило крайнего индивидуализма, переродившегося в эгоизм как систему взглядов <...> он отвечал на умиления, заигрывания и восторги царской семьи все большим опусканием, разрастанием своего цинизма; он ходил грязный, нечесаный, небритый — широкая, мол, натура. А может быть, он в глубине души смеялся над дворцовой кликой, умилявшейся тем, что он безобразничал у них на глазах³.

К сожалению, несомненная глубина наблюдений Гуковского — в этой статье и в другой, написанной в 1935 году к отдельному изданию «Басен» в малой серии «Библиотеки

¹ «<...> душу <...> он умел прикрывать от неуместного любопытства какую-то апологическую оболочкою, как раковину, защищавшую его от житейских смут и бурь»; «Путру он принимал *всех*, и со всеми обходился *одинаково ласково*, с человеком ему преданным и приятным и с тем, который не имел права на его благосклонность или был несносен» (*Булгарин. Взгляд*. № 8. С. 30; № 9. С. 35).

² Биографический очерк // Полное собрание сочинений И. А. Крылова. Т. 1. С. LXIV.

³ *Гуковский Гр.* Иван Андреевич Крылов. С. 63, 69.

поэта»¹, — потерялась на фоне идеологически заостренных формулировок, а после ареста и гибели ученого в 1950-м эти его работы не переиздавались и мало цитировались. Тем не менее свежесть его взгляда стимулировала появление в предвоенные годы нескольких важных работ ленинградских филологов — самого Гуковского, его ученика И. З. Сермана, А. В. Десницкого².

Тот же импульс — впрочем, уже угасающий — дал себя знать и в последнем на нынешний день полном собрании сочинений Крылова³.

Оно стало частью большого коммеморативного проекта, оформленного Постановлением Совета народных комиссаров СССР от 15 июля 1944 года № 879 «О мероприятиях по увековечению памяти И. А. Крылова в связи со столетием со дня его смерти». Этот документ предписывал выпустить первый том к 21 ноября 1944 года, то есть ко дню столетия (по новому стилю), и его действительно сдали в печать 3 ноября, так что можно себе представить темп, в котором шла работа. Полное собрание сочинений Крылова издавалось под эгидой не Академии наук, а всего лишь Государственного издательства художественной литературы, так что о сколько-нибудь фундированной научной подготовке в таких условиях не могло идти и речи. Анонимная вступительная заметка в начале первого тома вообще не содержит характеристик ни Крылова (за исключением заимствованного из постановления «великий русский писатель-баснописец»), ни итогов его изучения и ограничивается самой краткой историей предшествующих изданий и характеристикой предлагаемого собрания с точки зрения состава и текстологии.

¹ *Гуковский Г.* Крылов // Крылов И. А. Басни / Статья, ред. и примеч. Б. Коплана. Л., 1935. С. 5–43.

² См.: *Гуковский Г. А.* Заметки о Крылове // XVIII век. Сб. 2. М.; Л., 1940. С. 142–165; *Серман И. З.* Басни Крылова и общественное движение его времени // Ученые записки Ленинградского университета. 1939. № 33. Вып. 2. С. 94–109; *Десницкий А. В.* Этюды о творчестве Крылова // Ученые записки Ленинградского педагогического института... 1936. Т. II. Вып. 1. С. 179–217.

³ *Крылов И. А.* Сочинения / Под ред. Демьяна Бедного. Т. I–III. М.: ГИХЛ, 1945–1946.

Собственно, повод и время выхода этого издания говорили сами за себя: юбилей, пусть даже такой странный, как столетие со дня смерти, пришелся на военное время, и русский баснописец, автор патриотических сочинений времен Отечественной войны 1812 года, снова был мобилизован на защиту теперь уже советской Родины. Напомним, однако, что фоном для крыловского юбилея и собрания его сочинений была мрачная история подготовки юбилейного академического собрания сочинений Пушкина, которое вследствие политического давления выходило вовсе без комментариев¹. Поручкой идеологической безупречности издания Крылова служило имя его номинального редактора — нового советского баснописца Демьяна Бедного, невольно повторившего то, как за столетие до него сам Крылов своим именем защитил от тогдашних «компетентных органов» журнал «Библиотека для чтения». Фактически же подготовкой издания руководили московские литературоведы Д. Д. Благой, Н. Л. Бродский и Н. Л. Степанов.

Из трех томов этого собрания наиболее качественно был подготовлен третий (и самый важный — включающий басни), ушедший в производство через полтора года после постановления. Он снабжен не только текстологическими справками, но и вариантами, а кроме того, представляет стихотворения (примечания к ним написаны Гуковским) и, впервые в близком к исчерпывающему объеме, письма и деловые бумаги (подготовлены и прокомментированы сотрудником Публичной библиотеки С. М. Бабинцевым).

Несколько отклоняясь в сторону, стоит заметить, что на протяжении восьмидесяти лет, истекших с 1944 года, вопрос о новом собрании сочинений Крылова, которое соответствовало бы современным научным стандартам, вообще

¹ См. об этом: *Домгерр Л. Л.* Из истории советского академического издания полного собрания сочинений Пушкина 1937–1949 гг. (Материалы и комментарии) // *Записки Русской Академической группы в США.* 1987. Т. XX. С. 295–299; *Рак В. Д.* О кризисе академического пушкиноведения и подметках великих пушкинистов // *Рак В. Д.* Пушкин, Достоевский и другие (Вопросы текстологии, материалы к комментариям): Сб. статей. СПб., 2003. С. 7–9.

не возникал, в том числе и в связи с 250-летием со дня его рождения (2019). Вышедшие в издательстве «Художественная литература» двухтомные «Сочинения»¹ не включают письма Крылова (и уж тем более к нему), выборочно представляют драматургию и стихотворные тексты за пределами басенного корпуса, снабжены самым кратким комментарием и практически не касаются текстологии, то есть не являются ни полным, ни академическим собранием. Приходится констатировать, что один из самых известных и, добавим, самых любимых литературных классиков был издан под грифом Академии наук всего один раз — в 1956 году, когда в серии «Литературные памятники» вышел фундаментальный том «Басен», подготовленный А. П. Могиланским². О каких-либо изданиях-«спутниках» нечего и говорить: не существует ни компендиума «Крылов в современной ему русской и европейской печати» (хотя материалы для него начал собирать еще С. Д. Полторацкий в 1820-е годы), ни даже подступов к биографическому словарю «Крылов и его окружение». Особняком в этой поразительно скудной энциклопедической картине стоит выпущенный Л. Н. Киселевой уже в новом тысячелетии том драматических сочинений³. Он выгодно отличается постановкой исследовательской задачи — проблематизировать место драматургии в литературной биографии Крылова, а также полнотой, проработкой текстологии и развернутым комментарием.

Что касается частных крыловских штудий после 1945 года и вплоть до наших дней, то они являют иное, более разнообразное, но столь же странное зрелище. Среди них есть выдающиеся биографические работы, основанные на вновь

¹ Издание 1969 года подготовил Н. Л. Степанов, издание 1984 года — С. А. Фомичев.

² *Крылов И. А. Басни* / Изд. подгот. А. П. Могиланский. М.; Л., 1956. По основательности с этим изданием сопоставим однотомник «Стихотворения» (вступительная статья, подготовка текстов и примечания — также А. П. Могиланского), вышедший в большой серии «Библиотеки поэта» в 1954 году, как второе по счету издание Крылова под этой маркой.

³ *Крылов И. А. Полное собрание драматических сочинений* / Сост., вступ. ст., коммент. Л. Н. Киселевой. СПб., 2001.

выявленных документах или новой интерпретации известных, в том числе о Крылове-издателе и Крылове — сотруднике Публичной библиотеки¹. Есть труды о поэтике, языке и генезисе — сатирической прозы², драматургии в целом и «Трумфа» в частности³, басен⁴, в том числе об отражении в них некоторых политических коллизий и реалий⁵. Основательно изучено место Крылова в литературных обществах и салонах конца XVIII — первой четверти XIX века⁶.

¹ См.: *Овчинников Р. В.* В поисках автора «весьма замечательной статьи» (Об атрибуции одного из источников пушкинской «Истории Пугачева») // История СССР. 1979. № 4. С. 173–179; *Бабинцев С. М.* И. А. Крылов. Очерк его издательской и библиотечной деятельности. М., 1955; *Полонская И. М.* К биографии И. А. Крылова (библиографические и архивные изыскания) // Труды Государственной библиотеки СССР им. Ленина. Т. II. М., 1958. С. 70–93; *Голубева О. Д.* Хранители мудрости. М., 1988. С. 128–148.

² *Кочеткова Н. Д.* Сатирическая проза Крылова // Иван Андреевич Крылов. Проблемы творчества / Под ред. И. З. Сермана. Л., 1975. С. 53–112; *Разумовская М. В.* «Почта духов» И. А. Крылова и романы маркиза д'Аржана // РЛ. 1978. № 1. С. 103–115.

³ *Всеволодский[-Гернграсс] В.* Крылов и театр // И. А. Крылов. Исследования и материалы. М., 1947. С. 224–239; *Киселева Л. Н.* Некоторые особенности поэтики Крылова-драматурга (взаимоотношения с литературной традицией) // Классицизм и модернизм: Сб. статей. Тарту, 1994. С. 55–83; *Лотман Ю. М.* Речевая маска Слюняя // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979. С. 88–90.

⁴ *Виноградов В. В.* Язык и стиль басен Крылова // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. 1945. Т. 4. Вып. 1. С. 24–52; *Серман И. З.* Крылов-баснописец // Иван Андреевич Крылов. Проблемы творчества. С. 221–279; *Степанов В. П.* Эволюция и теория басни в 1790–1810-х годах // Там же. С. 196–220; *Петровский Ф. А.* Крылов и античная басня // Язык и стиль античных писателей. Л., 1966. С. 144–154.

⁵ *Дурылин С.* Крылов и Отечественная война 1812 года // И. А. Крылов. Исследования и материалы. С. 149–186; *Брискман М. А.* К истолкованию басен Крылова о войне 1812 года // Труды Ленинградского библиотечно-го института им. Н. К. Крупской. Т. II. 1957. С. 147–161.

⁶ *Альтшуллер М. Г.* Крылов в литературных объединениях 1800–1810-х годов // Иван Андреевич Крылов. Проблемы творчества. С. 154–195; *Киселева Л. Н.* Журнал «Зритель» и две концепции патриотизма в русской литературе 1800-х гг. // Проблемы типологии русской литературы: Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение. Тарту, 1985. С. 3–20 (= Ученые записки Тартуского гос. университета. Вып. 645); *Альтшуллер М. Г.* Беседа любителей русского слова: У истоков русского славнофильства. 2-е изд. М., 2007. С. 214–250.